

О. И. Богуславский, А. Д. Мачинская

СЯСЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ПОСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛХОВЬЯ

(опыт сопоставления)

История изучения древностей юго-восточного Приладожья насчитывает к сегодняшнему дню более двухсот лет и является одной из самых продолжительных в России. Вместе с тем, исследование этого региона проводилось исключительно на материалах раскопок погребальных памятников. Более того, поселения юго-восточного Приладожья не только почти не подвергались археологическим раскопкам, но даже неизвестны исследователям. Такое "однобокое" изучение региона — исключительно на основе погребальной культуры — не может не сказаться на полноте наших представлений о культурной истории региона.

Вместе с тем в бассейне р. Сясь уже с начала XX в. известен уникальный для юго-восточного Приладожья комплекс памятников, включающий по крайней мере одно поселение. Но, к величайшему сожалению, история его археологического изучения не очень богата событиями. Большинство исследователей ограничивалось только внешним осмотром памятников. Исключением явился, пожалуй, только В. И. Равдоникас, который в 1929 г. предпринял достаточно масштабные раскопки (Равдоникас 1934: 37-39). Однако, поскольку значительных находок не оказалось, работы не были доведены до конца ни в 1929 г., ни впоследствии. Ситуация осложнилась еще и тем, что материалы раскопок В. И. Равдоникаса были утеряны, а центральная часть комплекса — городище — было разрушено карьером при строительстве автодороги.

В 1987-1990 гг. этот комплекс исследовался Сясьской группой Приладожского курганного отряда ЛОИА АН СССР (Богуславский, Мачинская, в печати). На сегодня комплекс археологических памятников у д. Городище на р. Сясь состоит из:

- остатков городища, расположенного на мысу, образованном р. Сясь и ручьем;
- селища, расположенного на мысу, образованном р. Сясь и ручьем;
- группы сопок из 15 насыпей северо-западнее городища (в 1920-е гг. насчитывалось более 20 насыпей);
- группы из 8 насыпей в самой д. Городище;
- группы из 25 невысоких насыпей в 1 км к юго-востоку от городища;
- остатков практически полностью раскопанной

В. И. Равдоникасом курганной группы из 29 "древнерусских" курганов в 1 км северо-западнее городища.

Для полной характеристики комплекса следует также указать, что до настоящего времени не сохранилось значительного большинства сопок, которые, судя по плану Н. И. Репникова, располагались цепочкой вдоль правого берега реки (Репников 1915: 37). По подсчетам Н. И. Репникова, существовало 10 насыпей, из которых сохранилось только две. Сравнительно подробное освещение материалов археологических исследований этой группы памятников в литературе (Равдоникас 1934; Репников 1915; Богуславский, Мачинская, в печати) избавляет нас от необходимости детально рассматривать собственно материалы раскопок и позволяет перейти непосредственно к рассмотрению характера и значения этого пункта.

Необычность Городищенского комплекса для юго-восточного Приладожья заставляет нас обратиться для поиска близких по характеру памятников к более широкой территории. С этой точки зрения нас не может не заинтересовать группа памятников нижнего Поволховья, среди которых находится уникальное Староладожское поселение. Эти памятники достаточно давно привлекли внимание исследователей именно с точки зрения их контактов с юго-восточным Приладожьем (Спицын 1895: 143, 154). Но их исследованность далеко не равномерна. Сейчас в этом районе по археологическим данным (наличие культурного слоя, случайные находки, погребальные сооружения) поселения второй половины I — первой четверти II тыс. н. э. известны в 20 пунктах (Петренко, Шитова 1985: 189). Однако сравнительно широко раскопано всего четыре поселения: поселение Горчаковщина, городище Любша, городище Новые Дубовики и Староладожское поселение. Безусловно, ведущая роль в понимании этих памятников принадлежит Земляному городищу Старой Ладogi. Значительная история исследования, широкие масштабы раскопок, уникальная сохранность культурных остатков дают редчайшую возможность для изучения древней истории как нижнего Поволховья, так и всего Северо-Запада Руси. Однако наиболее значительные результаты дает изучение поселений в комплексе с погребальными памятниками. К сожалению, вследствие ряда причин некрополь древней Ладogi сохранился далеко не полностью. Вместе с тем

материальная культура средневековой Руси остается известной в основном по погребальным памятникам. Это положение создает весьма значительные трудности в сопоставлении материалов Ладоги и других средневековых памятников.

Неоднократно рядом ученых подчеркивались связи юго-восточного Приладожья и древней Ладоги (Назаренко 1979: 110-113), но характер и масштабы этих связей не получили в литературе должного освещения. Публикация исследований последних лет в Ладоге и новые раскопки комплекса памятников у д. Городище позволяют вновь обратиться к этой проблеме. Совместное рассмотрение этих двух памятников тем более интересно, что позволяет отчасти восполнить существенные пробелы в их источниковедческой базе, такие как фрагментарность некрополя Ладоги и почти полная утрата городища на р. Сясь.

Сходство памятников нижнего Поволжья и Сясьского комплекса отчетливо проявилось в топографической ситуации и их размещении. Эта ситуация довольно характерна для северо-запада Руси. Поселения Северного Поволжья, как и Сясьская группа поселений, приурочены к излучинам рек, что позволяло контролировать русло на большом отрезке. Во всех случаях поселения связаны с крупными сопочными могильниками — одним из древнейших типов памятников, представляющих погребение покойников под искусственными курганными насыпями. Вместе с тем поселения Нижнего Поволжья и бассейна р. Сясь ни в коем случае нельзя рассматривать как тождественные друг другу. Сясьское городище однозначно приурочено к тому месту, где русло реки перегораживает пороги, и безраздельно господствует над ними. Большинство же поселений Северного Поволжья расположено на участке спокойного течения реки. Исключением можно считать только городище Новые Дубовики, расположенное близ волховских порогов (Носов 1976: 80). Однако на городище Новые Дубовики, как и на городище Любша, достаточно ярко выражены искусственные укрепления (Носов 1976: 76; Петренко, Шитова 1985: 181), в то время как на Сясьском городище достоверные следы фортификации нам неизвестны.

В литературе определение Сясьского поселения как городища, т. е. имеющего укрепления, принадлежит Н. И. Репникову, впервые обследовавшему этот памятник в 1900 г. Однако подробного описания системы укреплений исследователь не оставил (Репников 1915: 36-38). О следах вала с напольной стороны, который "...совершенно уже уничтожен...", писал и В. И. Равдоникас (Равдоникас 1934: 37). Возможно, за остаток искусственных укреплений В. И. Равдоникас принял частично разрушенную сопку, которая, судя по плану Н. И. Репникова (Репников 1915: 37), существовала на краю древнего поселения.

Таким образом, отсутствие ярко выраженных искусственных укреплений при наличии серьезных естественных водных преград, защищавших основные подступы к поселению, сближает Сясьское городище с древним Ладожским поселением. Правда, система естественных укреплений вообще типична для всех укрепленных поселений Южного Приладожья. На наш взгляд, их отличает приуроченность к стрелке, образованной впадением небольшой речки или ручья с крутыми высокими берегами в крупную реку, причем маленькая речка прикрывает подступы к поселениям со стороны Ладожского озера.

Хотя отсутствие следов искусственных укреплений сближает Сясьское городище и древнее поселение на Земляном городище Старой Ладоги, между

ними существуют значительные различия. Староладожское поселение занимало низменные, местами болотистые участки берега рядом с удобной гаванью при впадении в Волхов р. Ладожки. В то же время Сясьское городище располагалось на высоком сухом моренном холме, на высоте около 20 м над уровнем реки, причем говорить об удобной вместительной гавани в его окрестностях не приходится.

Достаточно широкую базу для сопоставления памятников дают предметы, обнаруженные при раскопках поселений Южного Приладожья. Наиболее массовым материалом всех этих памятников является керамика. Особую роль здесь играет огромная коллекция керамики Ладожского поселения. К сожалению, на сегодняшний день мы не имеем работы, представляющей сделанный на современном уровне анализ ладожской керамики, но многие исследователи в последнее время свободно оперируют понятием "ладожский тип керамики" (Носов 1976: 77; Носов 1981: 22; Белецкий 1977: 92-96). Однако нигде в литературе точно не определяется, что именно обозначается этим термином. Большинство исследователей понимает под "ладожским типом" лепные сосуды с ярко выраженным ребром при переходе от венчика к тулову (Носов 1976: 77). Однако такие сосуды среди лепной керамики Земляного городища Старой Ладоги не составляют и трети определяемых фрагментов (19 % по Е. А. Рябинину) (Рябинин 1985: 64). Остальной материал представлен слабопрофилированными баночными формами, сосудами с четким переходом от шейки к плечу и округлобокими сосудами со слегка отогнутым венчиком (Рябинин 1985: 64). Такой характер керамического комплекса сохраняется на всем протяжении бытования в Ладоге лепной керамики. В связи с этим нам кажется, что выделять реберчатые формы как наиболее характерные для Ладоги было бы преждевременно, тем более что происхождение всех форм ладожской керамики до настоящего времени не определено. Реберчатые формы керамики распространены очень широко — от Смоленщины и юго-восточной Эстонии до Аландских островов и Швеции (Петренко, Шитова 1985: 188, прим. 17). Для нас наиболее существенными представляются связи ладожской керамики с керамикой сопки, неоднократно отмечавшиеся исследователями (Станкевич 1950: 200; рис. 5; Седов 1970: 25). Напомним также о находках реберчатых форм на городищах Изборском, Камно и Рыуге (Седов 1978: 63-67; Белецкий 1977: 92-95; Шмидехельм 1959: 145-185; табл. I: 10; II: 1, 2; III: 6).

К сожалению, керамический комплекс городища на р. Сясь представлен неполно. Отсутствие целых или достоверно реконструируемых форм, сравнительно небольшое количество керамики вообще затрудняют исследование. Однако можно констатировать в керамическом комплексе Сясьского городища, представленном исключительно лепной керамикой, наличие "реберчатых" форм, а также близких к ним сосудов с четко обозначенным переходом от шейки к плечикам. Именно за этим набором форм и закрепилось название "ладожский тип". По тесту и составу примесей керамика городища на р. Сясь также идентична ладожской, а именно керамическому комплексу толщи горизонта Е Земляного Городища. Некоторое своеобразие Сясьской керамики придает красноватый цвет отдельных черепков, что объясняется использованием местной красной глины. Однако следует заметить, что керамический комплекс, практически идентичный ладожскому, наблюдается на всех раскопанных поселениях нижнего Поволжья (Петренко, Шитова 1985: 181-188; рис. 3; 16-42).

Следующая категория находок, характерная для городища на р. Сясь — это бусы. Серия из 13 бус происходит из раскопа площадью немногим более 50 м², расположенного на самом краю площади городища, где культурный слой едва достигает 20 см. Такая значительная концентрация бус имеет аналогии на Северо-Западе, пожалуй, только на Земляном Городище Старой Ладogi. На других поселениях нижнего Поволжья находки бус единичны (Петренко, Шитова 1985: 190). Среди бус, найденных на Сясьском городище, особого внимания заслуживают те бусы, аналогии которым широко известны в приладожских материалах. Это тем более важно, что можно определить датировку Сясьского городища (авторы приносят свою благодарность З. А. Львовой за помощь в определении бус):

— многочастная серебростеклянная пронизка с тонким поверхностным слоем стекла желтоватого цвета — преобладают в Ладoge в слоях E2—нижней части слоя Д (Львова 1968: 82, 84; Львова 1970: 95: табл. 5);

— серебростеклянная пронизка с поверхностным слоем из прозрачного бесцветного стекла — преобладают в Ладoge в слоях E1—Д (Львова 1970: 95: табл. 5);

— лимоннообразная зеленая бусина с продольными рубчиками — преобладают в Ладoge в слоях E3—E1 (Львова 1968: 88; Львова 1970: 99);

— ярко-зеленый бисер "классической" формы в виде "горбушки" — преобладают в Ладoge в слоях E3—E2 (Львова 1970: 96, 97: табл. 7);

— молочно-белая бусина с печеночным орнаментом — преобладают в Ладoge в слоях E3—E2 (Львова 1968: 73, 75: рис. 3);

— синяя прозрачная бусина с печеночным орнаментом — преобладают в Ладoge в слоях E2—E1 (Львова 1968: 78);

— ярко-синяя бусина с зелеными глазками в белых ободках — в Ладoge преобладают в слоях E3—E2 (Львова 1968: 71: рис. 1: 45-48, 49-51);

— бусина из серовато-серого просвечивающего стекла с глазками — преобладают в Ладoge в слоях горизонта Д (Львова 1968: 78, 79);

— округлая бусина из розового просвечивающего стекла — преобладают в Ладoge в нижней части горизонта Д (Львова 1968: 90).

К сожалению, в настоящее время мы не имеем полного свода всех ладожских бус, детально определяющего их стратиграфию и хронологию. В связи с этим можно сказать лишь то, что подавляющее количество бус, найденных на Сясьском городище, хорошо известны по находкам на Земляном городище Старой Ладogi и в целом датируются VIII-IX вв. Характерно, что в материалах Сясьского городища найдены бусы, известные как только для периода VIII-IX вв., так и для IX-X вв. С представленным материалом сравнима только серия из 8 бус, происходящая из раскопок поселения Новые Дубовики, датированная в целом VII-IX вв. (Носов 1976: 78-79). Однако следует заметить, что эта коллекция происходит из раскопа площадью 170 м², в котором культурный слой достигал мощности 30 см.

Из других предметов, найденных при раскопках памятников Приладожья, лишь некоторые позволяют высказать предварительные соображения относительно их культурной принадлежности. Так, контакты с культурами Псковщины и юго-восточной Эстонии выразились, в частности, в присутствии предметов из оловянистых сплавов, а также литейных форм для их изготовления (Мачинская 1988: 17). Для Сясьского комплекса эти связи проявились в первую очередь в находке на городище каменной литейной формочки, находящей ближайšie аналогии на городищах Псковском, Камно и Рыуге (Тараканова рукопись: рис. 17:

табл. XII:4, табл. XI:3; Тараканова 1956: 41: рис. 20; Шмидехельм 1959: 166: табл. V:9). Литейная формочка того же круга древностей найдена в насыпи кургана N 3 в могильнике севернее д. Городище (Мачинская 1988: 17). Формочка происходит из культурного слоя поселения, который был использован для сооружения погребальной насыпи. Ближайšie аналогии формочка имеет на Псковском городище, городище Камно, на Земляном городище Старой Ладogi, а бляшки, отлитые в подобных формочках, известны в каменном могильнике на о-ве Сааремаа (Тараканова 1949: рис. 296; Тараканова 1953: 207; Давидан 1980: 60-61: табл. 1:5; Моора 1965: рис. 3:1). Украшения из оловянистых сплавов и формочки для их отливки известны в Нижнем Поволжье только на Староладожском поселении (Рябинин 1985: рис. 23:1-6; Мачинская 1988: 17-18). Аналогии к этой группе вещей также имеются на городищах Псковском, Камно, Рыуге, а также в погребениях культуры псковских длинных курганов в юго-восточной Эстонии (Мачинская 1988: 17-18).

Почти одновременно с упомянутыми вещами в Ладoge появляются бронзовые и костяные украшения, представляющие собой детали убора балтского типа, характерного для культуры смоленских длинных курганов (Плоткин 1972: 40-41; Давидан 1986: 101-102: рис. 2:8-14; Мачинская 1990: 56-57). Этот круг древностей отразился в материалах раскопок Сясьского городища много слабее; отметим бронзовую трапециевидную подвеску, которая в период VIII-IX вв. одинаково характерна и для псковских, и для смоленских длинных курганов, а также железную спиралевидную фибулу, характерную для костюма балтского типа. Вещи, близкие к этому кругу древностей, кроме Сясьского городища и Старой Ладogi, известны в южном Приладожье на поселении Новые Дубовики, где к ним можно отнести бронзовую трапециевидную подвеску и бронзовую тисненую бляшку (Носов 1976: рис. 2:8, 9), а также на городище Любша (бронзовая обойма с пуансонным орнаментом по краю) (Петренко, Шитова 1985: 183) и поселении Горчаковщина (обойма из низкопробного серебра с пуансонным орнаментом) (Петренко, Шитова 1985: 188).

Упомянем вещи скандинавского происхождения или поступившие при посредстве скандинавов. В материалах раскопок непосредственно Сясьского городища эти материалы невыразительны. Можно упомянуть только находку ледоходного шипа в раскопе на городище, которая лишь с определенными оговорками может быть отнесена к скандинавскому кругу древностей. Гораздо более представительны такие находки в материалах погребальных памятников, прежде всего в инвентаре захоронений юго-восточной курганной группы. В нижнем Поволжье такого рода находки сконцентрированы на Староладожском поселении и в Ладожском некрополе. Достаточно определенно эти древности, кроме упомянутых пунктов, представлены только на поселении Новые Дубовики, где найдены костяной наборный односторонний гребень группы I по типологии О. И. Давидан, фрагмент накладки другого аналогичного гребня и ледоходный шип (Носов 1976: 78: рис. 2:15, 20).

Кроме внешнего сходства, проявляющегося, по нашему мнению, в соответствии отдельных компонентов материальной культуры, важным доказательством близости различных памятников является сходство их исторических судеб. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы раскопок поселений, к сожалению, дают слишком мало материала для сопоставления. Так, ввиду недостаточной изученности большинства поселений, за исключением, пожалуй, Староладожского

поселения, оказывается невозможным сравнить такие важные показатели, как система застройки и особенности домостроительства различных поселений. Не представляется возможным делать какие-либо заключения на основании стратиграфических наблюдений, поскольку в большинстве случаев они не отличаются детальностью. Некоторые данные для сравнения дает хронология существования и изменения характера поселений. В отношении даты их возникновения безусловные доказательства имеются только в отношении Ладоги, что относит ее начальную дату к середине VIII в. Видимо, достаточно близки к этому времени и ранние датировки других поселений. Судя по полному отсутствию кружалной керамики в материалах Сясьского городища, оно было заброшено до 930-х гг., если принять дату появления кружалной керамики в Ладоге по Е. А. Рябинину (Рябинин 1985: 37). Это не означает прекращения существования поселений в этом районе, поскольку существуют находки кружалной керамики в районе сопочного могильника. Таким образом, следует говорить о забрасывании именно укрепленной части комплекса. Говоря о поселениях нижнего Поволжья, следует отметить, что отсутствие на них керамики X-XII вв. (Петренко, Шитова 1985: 191) свидетельствует также о затухании жизни на них не позднее первой четверти X в. Возобновление же на них активной жизнедеятельности можно отнести лишь к XIII-XIV вв. Характерно, что этот процесс затронул не только укрепленные поселения — Любшу, Дубовики — но и неукрепленные — Горчаковщину, Наволок. В противоположность сельским поселениям нижнего Поволжья, Староладожское поселение демонстрирует отличные от упомянутых процессы. Отражением этого является увеличение плотности застройки на Земляном городище и выделение центральной (по-видимому, укрепленной) части, расширение площади самого поселения (Кузьмин, Мачинская 1989: 142-143).

Определенный материал для сравнения дают погребальные комплексы, связанные с рассматриваемыми поселениями. Уже при первом знакомстве обращает на себя внимание тот факт, что разнообразие погребальных памятников, демонстрирующее развитие погребального обряда в течение весьма длительного времени, имеется только в некрополе Ладоги и в окрестностях Сясьского городища. С сельскими поселениями нижнего Поволжья связаны могильники, состоящие исключительно из монументальных сопочных насыпей. Кроме состава некрополя, указывающего на определенные черты сходства могильников Ладожской округи и среднего течения р. Сясь, показательна, по нашему мнению, и их динамика. Раннюю дату некрополя Ладоги, по всей видимости, маркирует сопка № 140, исследованная Н. Е. Бранденбург (Бранденбург 1895: 137-138). Ее дата определяется находкой бляшек неволинской поясной гарнитуры — конец VII-VIII вв. (Голдина 1980: 140). Верхняя дата этого типа памятников, по нашему мнению, связана с сопкой в урочище Плакун, раскопанной Е. Н. Носовым (Носов 1985: 147-155). Погребение № 4 совершено по обряду труположения, что не характерно для сопочных памятников, однако автор этих раскопок не считает упомянутое погребение впускным (Носов 1985: 151-155). Определяя время совершения этого погребения по датировкам вещей на основании приладожской хронологической шкалы, мы относим его к периоду между 890-ми и 920-ми гг. Отчасти датировке противоречит только сам обряд погребения, не характерный для этого времени (Богуславский 1991: 108: рис. 2).

Среди сопочных, раскопанных в могильнике у д. Городище, датированные вещи встречаются только в

насыпи № 3. Они позволяют определить дату совершения центрального погребения первоначальной насыпи периодом конца VII — началом VIII вв., а разрушенное погребение верхнего яруса погребения — второй половиной VIII — IX вв. (Богуславский, Мачинская, в печати). Однако при определенной хронологической близости сопочных памятников нижнего Поволжья и среднего течения р. Сясь, необходимо упомянуть сильные различия в погребальном обряде, которые сближают сопку Сясьского комплекса с памятниками Вологодской области (Башенькин, Иванищева 1988: 32-34).

Вопросы, связанные с отказом от сопочного обряда погребения и с переходом к подкурганам захоронениям, являются сейчас одними из самых дискуссионных. К сожалению, в Старой Ладоге мы не имеем материалов, позволяющих решить эту проблему. Первыми курганными погребениями в некрополе Ладоги традиционно считаются курганы в урочище Плакун. В настоящее время ранняя дата этого могильника определяется на основе кургана № 7, обозначенная Г. Ф. Корзухиной как "...IX в., возможно, его первая половина" (Корзухина 1971: 62-63). На наш взгляд, эта датировка может быть уточнена на основе хронологии бус из этого комплекса, а именно зеленой прозрачной бусины, аналогии которой известны на Земляном городище не ранее горизонта E1 (860-920-е гг.). Остальные находки, по нашему мнению, не противоречат этому. Для определения верхней даты могильника очень важен курган № 6. На основании датировки серебряной лунницы, определенной Г. Ф. Корзухиной как X — первая половина XI вв. (Корзухина 1954: 62-67), и времени бытования в юго-восточном Приладожье ланцетовидных черенковых стрел (900-950-е гг.) (Богуславский 1991: 108: рис. 2), можно определить его хронологию первой половиной X в. Кроме уникального не только для южного Приладожья, но и для всего Северо-Запада Руси скандинавского могильника, к близкому времени можно отнести и другой могильник Ладожского некрополя, а именно грунтовый могильник, расположенный в районе Никольского монастыря (Орлов 1941: 116-138). В настоящее время не представляется возможным с определенностью установить нижнюю дату этого могильника. Что касается его верхней даты, то на основании аналогий в юго-восточном Приладожье ее можно отнести к 950-м гг. (Богуславский 1991: 108: рис. 2).

Сложение курганного обряда погребения в районе среднего течения р. Сясь освещается несколько большим количеством данных. В первую очередь это относится к отдельному кургану на северной окраине д. Городище. Этот курган представляет собой высокую насыпь, объединяющую черты сопки и приладожского кургана (Богуславский, Мачинская, в печати). Время его сооружения может быть отнесено к рубежу IX-X вв. Продолжением линии трансформации сопочного обряда, на которую указывают черты одиночного кургана, являются покурганам захоронения могильника юго-восточнее д. Городище. В свою очередь, хронология этого могильника определяется временем между 890-ми и 950-ми гг. (Богуславский 1991: 108: рис. 2).

Следующим этапом в развитии погребальной обрядности является появление погребений, характерных для древнерусского времени. Вопросы их возникновения еще слабо изучены и плохо освещены в литературе. Единственным могильником в некрополе Ладоги, близость погребального инвентаря которого древнерусскому погребальному набору не вызывает сомнения, является грунтовый могильник в районе Успенского монастыря. Более того, автор раскопок С. Н. Орлов отмечал, что это, видимо, остатки разру-

шенного курганного могильника (Орлов 1956: 94-98). Его нижняя дата на основании датировок аналогичных вещей в юго-восточном Приладожье может быть отнесена ко времени между 920-ми и 950-ми гг. (Богуславский 1991: 108: рис. 2). В среднем течении р. Сясь погребальные комплексы с инвентарем и обрядом, близким классическим древнерусским погребениям, происходят из могильника Красная Заря, раскопанного В. И. Равдоникасом (Равдоникас 1934: 39-46). Начало совершения погребений в этом могильнике, на наш взгляд, также относится ко времени между 920-ми и 950-ми гг.

Таким образом, проведенное сравнение свидетельствует о значительной близости Сяского комплекса и памятников нижнего Поволжья. Наибольшее сходство видится нам между поселением Новые Дубовики и Сяским городищем, однако целый ряд черт, а именно состав некрополя, определенные черты материальной культуры и состав находок, отсутствие ярко выраженной фортификации сближает Сяский комплекс со Староладожским поселением. Видимо, в основе этого сходства лежит близость исторических судеб этих памятников. Возникнув в близкое время в малоосвоенном регионе, где они являются памятниками нового типа, эти поселения являются свидетельством единства процессов, приведших к их появлению. С другой стороны, своеобразие каждого региона в отдельности обусловило различие этих памятников. Например, ограниченность земельного фонда, делающая невозможным возникновение в среднем течении р. Сясь системы разнофункциональных поселений, привело к образованию такого комплекса, как Сяское

городище. Оно объединило определенные функции Ладоги как торгового и, возможно, ремесленного центра и укрепленного поселения, контролировавшего важный участок реки — пороги. Вероятно, близость функций Сяского поселения и Ладоги привела к тому, что в VIII — первом десятилетии X в. эти комплексы прошли общий путь развития. Сильные изменения, происшедшие в регионе в 920-е — 930-е гг., привели к возникновению в Ладоге раннегородской культуры. К этому времени жизнь непосредственно на Сяском городище затухает. Причины этого нам видятся в невозможности дальнейшего развития этого пункта как раннегородского центра, обусловленные не в последнюю очередь недостатком пахотных земель. Дальнейшее его развитие, хотя и отличается некоторым своеобразием, во многом аналогично развитию сельских поселений Новгородской земли, о чем свидетельствует характер древнерусского могильника.

В последнее время была введена в научный оборот "Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна" (Джаксон, Мачинский 1989: 128-145). На основании этой саги Т. А. Джаксон и Д. А. Мачинский предлагают новую гипотезу о местонахождении Алаборга скандинавских источников. В свете новых данных Алаборг предстает как пункт, связанный с Ладогой — Альдегьюборгом, и локализация этого пункта в среднем течении р. Сясь не вызывает сомнений. Единственным поселением, в наибольшей степени соответствующим характеру описанного в сагах Алаборга, является Сяское поселение. Однако окончательное решение этого вопроса возможно только после детального изучения структуры поселений в бассейне р. Сясь.

Список литературы

- Башенькин А. Н., Иванничева М. В. 1988. Раскопки сопки и курганов Усть-Бельского могильника на р. Кобоже // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Белецкий С. В. 1977. Керамика городища Камно Псковской области. // КСИА—150.
- Богуславский О. И. 1991. К хронологии юго-восточного Приладожья IX-XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.
- Богуславский О. И., Мачинская А. Д. Комплекс памятников у д. Городище в юго-восточном Приладожье // Материалы по археологии новгородской земли. 2. (в печати).
- Бранденбург Н. Е. 1895. Курганы Южного Приладожья // МАР—18. СПб.
- Голдина Р. Д., Королева О. П., Макаров Л. Д. 1980. Агафоновский I могильник — памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск.
- Давидан О. И. 1980. Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ—21. Л.
- Давидан О. И. 1986. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII-IX вв. // АСГЭ—27. Л.
- Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. 1989. "Сага о Хальвдане сыне Эйстейна" как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX-XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск.
- Корзухина Г. Ф. 1971. Курган в урочище Плакун близ Ладоги // КСИА—125.
- Корзухина Г. Ф. 1954. Русские клады. М.-Л.
- Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. 1989. Ладога и ее округа в VIII-IX вв. (этапы становления северного раннесредневекового города. // Тезисы докладов XI Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М.
- Львова З. А. 1968. Стекланные бусы Старой Ладоги. Часть I. // АСГЭ—10.
- Львова З. А. 1970. Стекланные бусы Старой Ладоги. Часть II. // АСГЭ—12.
- Мачинская А. Д. 1988. Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладоги // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Мачинская А. Д. 1990. Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблемы хронологии // Новгород и новгородская земля. История и археология. 3. Новгород.
- Моора Х. 1963. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике // Назаренко В. А. 1979. Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой // Славяне и Русь. Киев.
- Носов Е. Н. 1976. Поселение у волховских порогов // КСИА — 146.
- Носов Е. Н. 1985. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Л.
- Орлов С. Н. 1956. Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладоге // КСИИМК—65.
- Могильник в Старой Ладоге. 1941. Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук. 10. Л.
- Петренко В. П., Шитова Т. Б. 1985. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Л.
- Плоткин К. М. 1972. Балтские элементы в нижних горизонтах Старой Ладоги // Проблемы комплексного изучения Северо- Запада РСФСР. Л.